

Жду ваших комментариев

Зимние каникулы наступили всего через несколько дней. Гарри остался в Хогвартсе, поскольку ни он, ни его родственники не хотели видеться чаще, чем это строго необходимо. Гермиона, как и большинство других студентов, уехала домой на каникулы. Рон тоже остался, как Гарри и предполагал. Что ж, когда их было только двое, Рон был довольно общительным, даже пытался научить Гарри шахматам, хотя Гарри не думал, что у него было много шансов. Он просто не мог думать об игре как о битве, особенно после того, как пережил несколько настоящих сражений в своей другой жизни.

Рождественским утром Гарри был рад найти Мантию-невидимку среди своих подарков, как он знал от себя постарше. Он был уверен, что это пригодится для его и Гермионы планов на будущее.

Его старшее «я» все еще следило за тем, чтобы Гарри не злоупотреблял своей новой игрушкой. Он также воздержался от посещения определенной комнаты, где он должен был найти зачарованное зеркало. Хотя он хотел бы увидеть своих родителей, но на мечты не стоило бы тратить время

Он пытался затащить Рона посмотреть книги по квиддичу в библиотеке, но безуспешно. — Я терпеть не могу библиотеку, — заныл Рон, отказываясь от этой идеи.

Гарри на самом деле не возражал. Он использовал заметки, которые оставила ему Гермиона, чтобы попытаться найти пропавший Крестраж. Они подозревали, что это что-то из Равенкло, но понятия не имели, что это может быть и где это искать. Не уничтожив этот крестраж, они не могли избавиться от Волдеморта, и именно поэтому им нужно было его найти.

Хотя библиотека помогла ему сузить поиск до одной конкретной реликвии — диадемы Равенкло, это не помогло в ее поиске. Диадема, согласно тому, что он нашел, была потеряна для многих поколений. Не совсем зная, как действовать дальше, Гарри собрался в "выручай комнату", пока его разум все еще искал потерянную диадему. Он был удивлен, когда дверь, появившаяся на пустой стене, открылась в огромную комнату, заполненную разными предметами. Большинство из них казались чрезвычайно старыми, хотя некоторые казались относительно новыми. Гарри задавался вопросом, что это было и как они вообще оказались в той комнате.

Он не мог по-настоящему заикливаться на этом, поскольку комната, казалось, направляла его в определенное место, где свет казался ярче, выделяя определенный ящик, стоящий рядом со шкафом, на поверхность которого, казалось, плеснули кислотой, покрытой пузырями. На нем был помещен облупленный бюст уродливого старого колдуна с пыльным старым париком сбоку и старой потускневшей диадемой с другой стороны. Казалось, свет направлял его к диадеме. Когда Гарри подошел ближе, он почувствовал в нем вредоносную магию, подобную той, которую он чувствовал от медальона Слизерина в своей другой жизни. Он не осмелился прикоснуться к нему, хотя помнил, что ненадолго прикасался к нему в своей другой жизни.

Оглядевшись, он нашел старую сумку, ремни которой были порваны, но в остальном она казалась в хорошем состоянии. Он левитировал диадему в сумку, закрыл ее и держал только за ручку, которая была сверху — как можно дальше от диадемы.

Он быстро вышел и закрыл дверь. Несколько секунд спустя она снова превратилась в камень, как и остальная часть стены. Затем он снова начал расхаживать, спрашивая комнату, где

лечили его шрам. После третьего раза появилась другая дверь. Гарри открыл ее и вошел в комнату, которую он помнил по нескольким дням ранее.

Не желая справляться с этим в одиночку, он спрятал сумку с диадемой в угол и наложил вокруг нее защитный экран. Сделав это, он почувствовал уверенность, что она останется там до возвращения Гермионы. Хотя он выучил соответствующие заклинания вместе с Гермионой, но у девочки получилось намного лучше, чем у него.

На следующее утро сова официального вида принесла Гарри письмо.

«Дорогой мистер Поттер, Мне жаль сообщать вам, что я не смогла найти никакой информации о суде над Сириусом Блэком. При дальнейшем изучении я обнаружила, что над ним вообще не было суда; его отправили в тюрьму только по приказу министра. Поскольку это крайне необычно, я проинформировала министра, и он организует суд над мистером Блэком через несколько дней после нового года. Он также одобрил использование сыворотки правды (зелье правды, заставляющее принявшего его говорить только правду), так что мы гарантированно узнаем правду об этом. Я предлагаю вам прийти и лично присутствовать на суде. Если возможно, я также постараюсь разрешить вам задать любые интересные вам вопросы, которые могут у вас возникнуть. Мне жаль, что я не смогла тебе помочь, и я также благодарена за то, что ваша просьба выявила возможную судебную ошибку, которую мы сейчас попытаемся исправить. Пожалуйста, сообщите мне, если вы захотите посетить слушание, и я отправлю вам официальное приглашение, чтобы получить разрешение покинуть школу на этот день. Я также могу предоставить вам сопровождение из авроров, если будет необходимость. Искренне
Ваша, Амелия Боунс
Глава ДМП»

Гарри был рад, что его крестный получит шанс, но он также начал думать о том, как он мог бы помочь. Ну, он начал бы с того, что рассказал бы Гермионе и попросил ее совета. Хедвиг была бы довольна, если бы у нее было чем заняться.

— Что это было? — спросил его Рон.

Гарри пожал плечами. — Я только что получил ответ на свой запрос о получении некоторых документов из Министерства. Похоже, они не нашли ни одного из них. Похоже, они еще менее организованы, чем ты.

Рон, казалось, не возражал. Он знал, что оставаться организованным — это не то, в чем он силен. Он действительно не пытался.

— Я думаю, что в любом случае я должен написать и поблагодарить, — сказал Гарри.

Рон просто пренебрежительно махнул рукой, как бы говоря: «Делай то, что хочешь, но не приставай ко мне». Это было просто идеально для Гарри. Он только взял немного пергамента и перо из своего общежития и пошел в библиотеку, где сел писать. Сначала он написал длинное письмо Гермионе, рассказав ей обо всем, что он делал до этого, и попросив ее совета. Затем он написал мадам Боунс, поблагодарив ее за усилия и попросив присутствовать на суде в сопровождении авроров, поскольку к тому времени занятия в школе уже возобновятся, и он не думал, что должен заставлять других снижать темп учебы, забирая одного из учителей. Он думал, что это сделает ее более сговорчивой.